

ПРИЧИНЫ И РАННИЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ «ГУННСКОГО МИФА» В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВЕНГЕРСКОЙ ХРОНИКАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

А. А. ШОХИН,

аспирант исторического факультета

ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

(г. Санкт-Петербург, РФ)

Под «гуннским мифом» мы понимаем историческую концепцию, возводящую генеалогически венгерскую общность или династию к гуннам или Аттиле, связывающую права венгерского народа или королей на власть над паннонскими землями с гуннским завоеванием Паннонии. Данная этногенетическая традиция представляет интерес благодаря ее месту в венгерской исторической литературе Средневековья и Нового времени. Этот сюжет занимает одно из ключевых мест в корпусе венгерских хроник. Очевидно, что его подробное рассмотрение необходимо для понимания контекста и содержания важных для изучения венгерской истории источников. О том же свидетельствуют до сих пор не утихающие споры вокруг уникальных сообщений Анонима о довенгерской Паннонии в румынской и венгерской историографии: в какой степени упомянутые сообщения отражают реальную ситуацию, а в какой – воспроизводят этногенетическое и ментально-географическое содержание того самого «гуннского мифа»?

«Гуннский миф» хотя и рассматривался многими историками, но никогда не становился темой специального исследования. К нему обращались обычно в более широком контексте: становление корпуса венгерских хроник [14, 219–350] (Маккартни), проблемы этнической истории венгров [11, 174–175] (венгерская историография), довенгерское прошлое Среднего Подунавья и, особенно, Трансильвании (румынская историография) [16, 76–93; 10, 271–285]. Как мы покажем в нашей статье, согласиться с распространенными в исто-

риографии интерпретациями этногенетической традиции венгров можно далеко не всегда. Сохраняющийся интерес исторического сообщества к венгерским средневековым источникам, о котором свидетельствует ряд недавних переизданий и переводов венгерских средневековых хроник, и несколько маргинальное положение такого важного для их понимания сюжета в историографии заставляют нас обратиться к этой теме.

Самым ранним источником, зафиксировавшим в окончательном виде данную концепцию, являются «Деяния венгров» Симона из Кезы. «Гуннский миф» сформировался не сразу; чтобы выделить этапы генезиса и причины его возникновения, необходимо обратиться к старейшей из сохранившихся венгерских хроник – «Деяниям венгров» Анонима. Ее автор в прологе обозначает себя как «магистр, названный П., нотариус доброй памяти славнейшего короля Венгрии Бельи» [1, 89; 7, 1–2]. В историографии давно ведется спор о том, нотариусом какого из королей был данный автор: Бельи I (1061–1063), Бельи II (1131–1141), Бельи III (1173–1196), Бельи IV (1235–1270). В настоящее время доминирует точка зрения, согласно которой Аноним был нотариусом короля Бельи III. Мы также следуем этой трактовке, считая убедительной аргументацию ее сторонников, опирающуюся на особенности языка, топографию, отношение к контексту правления Бельи III [2, 120–128; 15, 15–20]. Принимая данную версию, мы должны датировать «Деяния венгров» рубежом XII–XIII вв.

Магистр П. не считает предками венгров гуннов, он предлагает скифскую генеало-

© Шохин А. А., 2015

гию в соответствии с западной латинской литературой. Однако основатель династии Арпадов — Альмош изображается как потомок короля Аттилы, хотя точная степень родства не указывается. При этом Аттила правил той самой страной, которую завоевали вышедшие из Скифии венгры. Аноним неоднократно подчеркивает мотив наследства Аттилы.

Стоит отвергнуть такие популярные до сих пор в историографии объяснения появления этого сюжета, как вера автора в гуннское происхождение венгров или необходимость легитимировать власть Арпадов над Паннонией [16, 92–92; 17, 277–288]. Первое предположение не имеет никакой поддержки в тексте источника. Обращение к наследству Аттилы также излишне для обоснования власти. Короли и знать Венгрии владеют землей в первую очередь по праву завоевания. Позиция Анонима передается следующим его пассажем о походе Тухутума: «Как говорят наши менестрели: они земли все себе приобрели, и доброе имя стяжали. Что еще?» [8, 64]. Согласно тексту хроники, память о правлении Аттилы была лишь аргументом в пользу избрания именно Альмоша как его потомка вождем в поход на Паннонию, но вовсе не причиной переселения [8, 16–17]. У противников новость о появлении потомка Аттилы вызвала страх [8, 34–35]. Но связан ли он с какими-то правами Альмоша и венгров на Паннонию? Один из князей утверждал, что правит землей «милостью императора греков» и никто, кроме его непосредственного господина, не может у него ее отнять [8, 52–53]. Другой бравирует тем, что не боится даже потомка короля Аттилы, который уже захватывал эту землю и которого называли «бич Божий» [8, 52–53]. Таким образом, речь идет не столько о правах, сколько о грозной репутации Аттилы, которая переносится на весь его род.

Описание довенгерской Паннонии у Анонима содержит много деталей, заимствованных из хроник крестоносцев и германского эпоса, и в частности топонимы «страна Аттилы», «город Аттилы» [5, 368, 384, 388, 389; 8, 130]. Исследователи часто обращали внимание на то, что этническая и политическая карта довенгерской Паннонии

«Деяний» имеет много общего с Балканами XII–XIII вв., особенно с их отражением в литературе крестоносцев [6, 320–330; 15, 12–19]. Обычно это объясняется лишь характерной для историков рассматриваемой эпохи склонностью к модернизации, а также недостаточным количеством доступных автору источников. Хотя подобные замечания справедливы, они не вполне объясняют, почему Аноним уделяет столько внимания теме Аттилова наследства и почему он пренебрегает сообщениями ученых латинских хроник в пользу ментальной географии крестоносцев и германского эпоса. Так, магистр П. игнорирует мораван и Великоморавскую политику, хотя он должен был знать о них из хроники Регинона Прюмского [3, 67–68; 14, 290]. В то же время он населяет Венгрию народами, которые мы находим в свите короля Этцеля или среди врагов крестоносцев на Балканах. И нет никакой уверенности в существовании влахов на территории Венгрии не только в довенгерскую эпоху, но и во времена предполагаемого создания «Деяний венгров» [6, 180–186].

Мы считаем, что перенос балканских реалий на довенгерскую Паннонию в сочинении Анонима стал возможен благодаря использованию автором образа «страны Аттилы». Этот регион, если обратиться к «Песни о Нибелунгах», содержит маркеры, указывающие на него как на границу западнохристианского мира. Она охватывает те страны и народы, которые мы сейчас называем «Восточная Европа». В «стране Аттилы» нет элементов, которые можно было бы отнести к мусульманскому миру, или миру чистой игры фантазии. В первую очередь это этнография и топонимика Среднего Подунавья и, в меньшей степени, Балкан и Руси. Паннония является своего рода «центром периферии», самой важной точкой пограничного пространства. К тому же через Венгрию проходили маршруты крестоносцев на Балканы. Здесь начинались первые трудности (плохо знакомая местность, многочисленные полноводные реки, опасные для переправы, первые крупные столкновения с местными жителями, например в «злом городе» Земуне), в то же время последним местом, где крестоносцам ока-

зывалось гостеприимство, был двор венгерского короля (в некоторых источниках – «город Аттилы») [4, 7–14, 28–35, 38–40].

Необходимо отметить, что в эпосе Аттилы – славный, могущественный правитель, а не бич христианского мира (хотя он, безусловно, язычник). Такой герой в качестве предка Арпадов гораздо более желателен, чем тот образ короля гуннов, который был свойствен ученой традиции. Все вышеизложенное приводит нас к выводу, что, обращаясь к венгерским королям и знати, Аноним не просто предлагал им занимательный и героический образ прошлого. Королевский нотариус пытался найти их место как общности в пространстве куртуазного и рыцарственного Запада, не только достойное, но и достаточно убедительное как для иностранцев, так и для самих венгров, все более подчинявшихся соответствующим нормам и языку со времен короля Белы III.

В поздних венгерских хрониках «легенда о стране Аттилы» получила новую интерпретацию. Гунны были окончательно отождествлены с венграми. Простая связь Арпадов с Аттилой сменилась теорией о двух вторжениях (*ingressus*) венгров-гуннов в Паннонию: в первый раз под предводительством Аттилы, второй – под предводительством Альмоша. Описание первого завоевания в гораздо большей степени, чем сочинение Анонима, опирается на латинские хроники, хотя там остается место и для эпических элементов, и для новых вымыслов. Важно, что уникальные сообщения о гуннском этапе Венгерской хроники (т. е. не позаимствованные из латинских хроник и германского эпоса) непосредственно переключаются с описанием второго вторжения. Это касается сюжетов об избрании семи вождей («капитанов»), возвышении одного из них (Аттилы/Альмоша), законов, по которым жили гунны-венгры. Многие исследователи здесь усматривают стремление таких авторов, как Симон из Кезы, обосновать через древность, изначальность некую идеальную модель отношений для Венгерского королевства, выраженную посредством сюжета о *communitas hungarorum* [19, 30, 42]. Конечно, легитимизация через удревнение,

ссылки на авторитет древних и другие общие места присущи средневековым венгерским хроникам, как и другим подобным источникам данного периода. Мы считаем, однако, что нельзя забывать о вторичном характере гуннского эпизода по отношению к преданию о первых Арпадах. Чтобы связать два сюжета и наполнить содержанием посвященную первому вторжению часть, Симону из Кезы и другим авторам венгерских хроник удобно было создавать такие параллельные места.

Стоит обратить внимание на наблюдения Й. Сюча, который утверждал, что времена Аттилы используются в «Деяниях венгров» Симона из Кезы (а следовательно, и в поздних компилятивных хрониках). Так, до этого в венгерских источниках обращались к «установлениям Святого Стефана» [20, 17]. Еще «Деяния венгров» Анонима ссылаются на них. В этой замене конституирующей роли Святого Иштвана даже пытались увидеть указание на некие языческие симпатии части венгерской элиты во времена короля Ласло Половца [9, 203–206; 13, 85]. Однако никаких аргументов в пользу такой трактовки «Деяний венгров», кроме самого факта ссылки на языческие времена, нет. Более того, если в «Деяниях венгров» Анонима негативные черты образа Аттилы, характерные для ученой традиции, редуцированы в пользу более приемлемых эпических, то у Симона из Кезы – наоборот. Варвар, захлебнувшийся собственной кровью в результате разнузданной оргии, вряд ли должен внушить, по мысли автора, симпатии к языческому королю. Почему же магистру Симону нужно обращаться к такой неоднозначной фигуре и подчеркивать варварское прошлое венгров, при этом еще пытаться обосновать ссылками на подобное прошлое вольности знатных венгров и некие желательные порядки (*communitas hungarorum*)?

Описание *communitas hungarorum* является калькой с описания венгерского общества в эпоху «обретения родины». Кезай мог ограничиться описанием *communitas hungarorum* при Альмоше и Арпаде. Это касается и «гуннского мифа» в целом. Если он доверял венгерским и западным источникам, связывающим венгров и гуннов, то мог

просто упомянуть данный факт, а не посвящать ему значительную часть своего сочинения. Внимания заслуживает реинтерпретация некоторых эпических, легендарных и исторических сюжетов магистром Симоном. Для него большую роль играют конфликты между венграми и знатью иноземного происхождения, жившей в Венгрии, в частности германской. Причину распада королевства после смерти Атиллы автор видит в усобице, спровоцированной германскими князьями, покоренными Атиллой.

Аналогией такой усобицы в новый период венгерской истории можно считать беспорядки во времена короля Петра. Языческое восстание в рассказе магистра Симона превращается в борьбу венгров с тиранией Петра, стремившегося подчинить венгров немцам. Симон из Кезы неоднократно противопоставляет “*pugna Hungaria*” (исходные венгерские роды) и “*exteras nationes*” как две составляющие королевства. Он удревает эту двойственность, доводя ее до времен гуннского вторжения, что выражено в принесении германскими князьями оммажа, причем как Атилле, так и гуннам [19, 44–45], а также в особом разветвлении власти: *communitas hungarorum* избирает себе короля (Атиллу), а тот, в свою очередь, назначает своего брата (Буду, т. е. Бледу Гунна) князем и правителем над “*exteras nationes*”. Все это, по мысли автора, должно исключить госпитов из *communitas hungarorum* – сообщества полноправных и подлинно ответственных за судьбу страны членов знатных венгерских родов. Рассматривая историю первого и второго пребывания гуннов-венгров в Паннонии, можно составить такие оппозиции, как правление Атиллы и первых Арпадов, когда венгры держали в подчинении “*exteras nationes*”, периоды усобиц при Кримхильде и короле Петре, вызванные претензиями на власть со стороны, в первую очередь, германцев.

Казалось бы, для выражения этой идеи достаточно было ограничиться примером первых Арпадов и не усложнять гуннский сюжет. Однако независимо от реальной аудитории сочинения, то внимание, которое магистр Симон уделяет проблеме конфронтации венгров и госпитов, то, как он реин-

терпретирует в данном ключе давно известные сюжеты (вроде убийства Бледеля или восстания Ваты), выдают некоторый полемический характер.

Создание «Деяний венгров» как коммуникативный акт подразумевает тех самых госпитов в качестве одного из его участников¹. Поэтому и для Анонима, и для Симона из Кезы было важно сделать свою концепцию убедительной для госпитов и иноземцев. Могли ли они представить своих предков дающими оммаж неким малоизвестным за пределами Венгрии Альмошу или Арпаду, а также венграм, знавшим не только победы, но и сокрушительные поражения от германских королей (например, битва на реке Лех)? Образ короля Атиллы, «бича Божьего», память о котором как о грозном завоевателе сохранилась и в ученой традиции, и в эпосе, больше подходил для такой роли.

Интересен фрагмент о «городе Атиллы». Если магистр П. просто указывает на то, что немцы называют его на своем языке Эцильбургу, то у магистра Симона мы находим целую легенду о том, как Атила запретил гуннам и “*exteras nationes*” называть его в честь Буды. Венгры забыли это из беспечности, тогда как немцы из страха называют его «городом Атиллы» до сих пор [19, 52]². Атила, все еще пугающий немцев, в данном контексте подходит для того, чтобы защитить от них исключительный статус *communitas*. Если приказ Атиллы о названии города до сих пор имеет силу для немцев, то и оммаж, принесенный гуннам, тоже, можно предположить, не остался без последствий для настоящего.

Хотя «гуннская история» повлияла на всю дальнейшую хроникальную традицию, многие акценты, характерные для Симона из Кезы, были утрачены. Марк из Калта опускает принесение оммажа гуннам, у

¹ В данном случае неважно, стремился ли автор что-то доказать госпитам непосредственно, или ему важно было согласие только тех, кто находился под их влиянием, например короля, окруженного немецкими и итальянскими советниками.

² “*Et quamvis Hunis et ceteris suis gentibus interdictum rex Ethela posuisset, ut urbs Ethelae uocaretur, Teutonicis interdictum formidantes, eam Echulburc uocauerunt. Huni uero curam paruam ilud reputantes interdictum usque hodie eandem uocant Oubuidam, sicut prius*”.

него отсутствует идея о том, что Буда был отдельным королем для “*exteras nationes*”. Хотя он однажды и упоминает мимоходом 108 племен, вышедших из Скифии, список знатных госпитов предваряется рассуждениями всего лишь о семи знатных венграх, которые со своими семьями и слугами не могли заселить всю Паннонию. К тому же Марк не нашел предков таких знатных родов, как Акусы (Акошы, Akus), Бор (Vor) и Абы (Abe). Следовательно, заключает автор, они госпиты, а без госпитов невозможно было бы заселить и Венгрию [12, 128–129]³. Более того, он указывает на то, что к венграм присоединились равные им по знатности (“*Cum orgo quidam sint hospites isto tempore nobilitate pares hungaris*”). Можно предположить, что магистр Марк мыслит в категориях *communitas regni*, не исключая из нее “*exteras nationes*”.

Таким образом, предания об «обретении родины», гуннском происхождении венгров и королевстве Аттилы используются

³ “*Constat itaque non tantum septem capitaneos Pannoniam conquēstrasse, sed etiam alios nobiles, qui de Scythia descenderunt. Vnde in ipsis venerari potest nomen dignitatis plius aliis, et potentie; Dobilitatis vero equaliter. Cum orgo quidam sint hospites isto tempore nobilitate pares hungaris, inquire; idum est quare istud esse [...] cum hungari mimero ad implendam Pannoniam suffecissent*”.

авторами венгерских хроник для того, чтобы локализовать и определить границы общества. Обращение к Аттиле и гуннам в разных случаях мотивируется по-разному. Анониму важно найти достойное место венгров среди других европейских народов, дать королям и знати королевства генеалогию, убедительную для иностранцев, и в то же время перенести на Венгрию положительные черты эпической «страны Аттилы». Симон из Кезы использует легенды об обретении родины и «гуннский миф» для категоризации сторон конфликта внутри самого Венгерского королевства. Грозные завоеватели гунны достаточно подходили для того, чтобы обосновать подчиненное отношение итальянской и немецкой знати в Венгрии. Марк из Калта вынужден был считаться с «гуннским мифом» как уже сложившейся традицией и копировать его, не имея, вероятно, других столь подробных источников по венгерской истории. Тем не менее он меняет акценты, избавляется от части «конфликтного» наследия, возвращаясь к идеям, сформулированным еще при короле Стефане Святом [18, 1240]⁴.

⁴ «Королевство одного языка и одного нрава является слабым и хрупким» (“*unius linguae uniusque moris regnum imbecille et fragile est*”).

Поступила 30.09.2014

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. «Деяния венгров» магистра П., которого называют Анонимом // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2007. – № 1/2. – С. 87–98.
2. Дьёрффи, Д. Время создания Анонимом «Деяний венгров» и степень достоверности этого сочинения // *Летописи и хроники* (1973). – Москва, 1974. – С. 115–128.
3. Козлов, С. А. К вопросу о датировке появления печенегов в Нижнем Подунавье // *Византийский временник*. – Москва, 2012. – Т. 71 (96). – С. 57–73.
4. Лучицкая, С. И. Народы Балкан в эпоху крестовых походов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: medieval.hse.ru/announcements/81785531.html. – Дата обращения: 08.05.2013.
5. *Песнь о Нибелунгах* / пер. Ю. Б. Корнеева // *Западноевропейский эпос*. – Ленинград, 1977. – С. 240–495.
1. “*The Acts of the Hungarians*” Master P., which is referred to as Anonymus, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (2007), St. Petersburg State University Press, p. 87–98.
2. Dörffi, D. (1974), Time to creation of “Acts of Hungarians” by Anonymus and the reliability of this work, *Annals and chronicles*, Moscow, p. 115–128.
3. Kozlov, S. A. (2012), Dating of the emergence of the Pechenegs in the Lower Danube, *Byzantine Chronicles*, Vol. 71 (96), Moscow, p. 57–73.
4. Luchitskaya, S. I. (2013), The peoples of the Balkans during the Crusades, available: medieval.hse.ru/announcements/81785531.html (accessed: 05.08.2013).
5. *Song of the Nibelungs* (1977), *Western European epic*, in Korneev, Y. B. (transl.), *Lenin-grad*, p. 240–495.

6. Шушарин, В. П. Ранний этап этнической истории венгров / В. П. Шушарин. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 1997. – 511 с.
7. *Anonymi Bele Regis Notarii = Deeds of the Hungarians // Anonymous and Master Roger / ed. and transl. by J. Bak, M. Rady, L. Veszprémy.* – Budapest, 2010. – P. 1–130.
8. *Arnoldi Chronica Slavorum.* – Hannover : Impensis bibliopolii Hahniani, 1868. – 296 p.
9. *Berend, N.* At the Gate of Christendom : Jews, Muslims and “Pagans” in Medieval Hungary, C. 1000 – C. 1300. – Cambridge, 2001. – 340 p.
10. *Bucur, I.-M.* Transylvania between Two National Historiographies. Historical Consciousness and Political Identity / I.-M. Bucur, I. Costea // *Frontiers, regions and identities in Europe / ed. by Steven G. Ellis and Raingard Eßer with Jean-François Berdah and Miloš Reznik.* – Pisa, 2009. – P. 271–285.
11. *Györffy, G.* A magyarok elődeiről és a honfoglalásról. Osiris Kiadó / G. Györffy. – Budapest, 2002. – 373 ol.
12. *Kalti, M.* Képes krónika / M. Kalti. – Budapest : Magyar Helikon Könyvkiadó, 1964. – 238 p.
13. *Klaniczay, G.* Daily Life and the Elites in the Later Middle Ages // *Environment and Society in Hungary.* – Budapest, 1990. – P. 75–90.
14. *Macartney, C. A.* The Attila Saga, the Hun chronicle and T. // *Studies on Early Hungarian and Pontic History.* – Cambridge, 1999. – P. 219–350.
15. *Madgearu, A.* The Romanians in the Anonymous Gesta Hungarorum. Truth and fiction / A. Madgearu. – Cluj-Napoca : Romanian Cultural Institute, 2005. – 218 p.
16. *Pop, I.-A.* Romanians and Hungarians from the 9-th to the 14-th century : The Genesis of the Transilvanian Medieval State / I.-A. Pop. – Cluj-Napoca : Centrul de Studii Transilvane, 1996. – P. 76–93.
17. *Puttkamer, J.* Schulalltag und nationale Integration in Ungarn : Slowaken, Rumänen und Siebenbürger Sachsen in der Auseinandersetzung mit der ungarischen Staatsidee 1867–1914 / J. Puttkamer. – München : Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2003. – 532 S.
18. *Sanctus* Stephanus Hungarorum rex prima. Monita ad filium // *Patrologiae cursus completus : sive bibliotheca universalis, integra uniformis, commoda, oeconomica, omnium SS. Patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum qui ab aevo apostolico ad usque Innocentii III tempora floruerunt.* Jacques-Paul Migne. – Paris, 1853. – Vol. 151. – P. 1233–1244.
19. *Simon de Késa.* Gesta Hungarorum : The deeds of the Hungarians / ed. by L. Veszprémy, F. Schaer, J. Szűcs, transl. by F. Schaer. – Budapest : Central European University Press, 1999. – 235 p.
20. *Szűcz, J.* Master Simon of Keza’s Gesta Hungarorum // *Etudes Historiques.* – Budapest, 1975. – P. 17.
6. *Shusharin, V. P.* (1997), The early stage of the history of ethnic Hungarians, Moscow: Russian Political Encyclopedia.
7. *Bak, J., Rady, M., Veszprémy, L.* (ed. and transl.) (2010), Anonymous and Master Roger, Deeds of the Hungarians, Budapest: Central European University Press. p. 1–130.
8. *Arnoldi Chronica Slavorum* (1868), Hannover: Impensis bibliopolii Hahniani.
9. *Berend, N.* (2001), At the Gate of Christendom: Jews, Muslims and “Pagans” in Medieval Hungary, Cambridge.
10. *Bucur, I.-M., Costea, I.* (2009), Transylvania between Two National Historiographies. Historical Consciousness and Political Identity, in Steven G. Ellis and Raingard Eßer with Jean-François Berdah and Miloš Reznik (ed.), Frontiers, regions and identities in Europe, Pisa: Plus-Pisa university press, p. 271–285.
11. *Györffy, G.* (2002), A magyarok elődeiről és a honfoglalásról, Osiris Kiadó, Budapest.
12. *Kalti, M.* (1964), Képes krónika, Budapest: Magyar Helikon Könyvkiadó.
13. *Klaniczay, G.* (1990), Daily Life and the Elites in the Later Middle Ages, Environment and Society in Hungary, Budapest: MTA Tor-tenettudományi Intezet, p. 75–90.
14. *Macartney, S. A.* (1999), Attila Saga, the Hun chronicle and T., Studies on Early Hungarian and Pontic History, Cambridge: Ashgate Publishing Company, p. 219–350.
15. *Madgearu, A.* (2005), The Romanians in the Anonymous Gesta Hungarorum. Truth and fiction, Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute.
16. *Pop, I.-A.* (1996), Romanians and Hungarians from the 9-th to the 14-th century: The Genesis of the Transilvanian Medieval State, Cluj-Napoca: Centrul de Studii Transilvane, p. 76–93.
17. *Puttkamer, J.* (2003), Schulalltag und nationale Integration in Ungarn: Slowaken, Rumänen, Rumänen und Siebenbürger Sachsen in der Auseinandersetzung mit der ungarischen Staatsidee 1867–1914, München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag.
18. *Sanctus* Stephanus Hungarorum rex prima. Monita ad filium, Patrologiae cursus completus: sive bibliotheca universalis, integra uniformis, commoda, oeconomica, omnium SS. Patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum qui ab aevo apostolico ad usque Innocentii III tempora floruerunt. Jacques-Paul Migne, Paris, (1853), Vol. 151, p. 1233–1244.
19. *Simon de Késa* (1999), Gesta Hungarorum: The deeds of the Hungarians, in Veszprémy, L., Schaer, F. and Szűcs, J. (Ed.), in Schaer, F. (transl.), Budapest: Central European University Press.
20. *Szűcz, J.* (1975), Master Simon of Keza’s Gesta Hungarorum, Etudes Historiques, Budapest.